

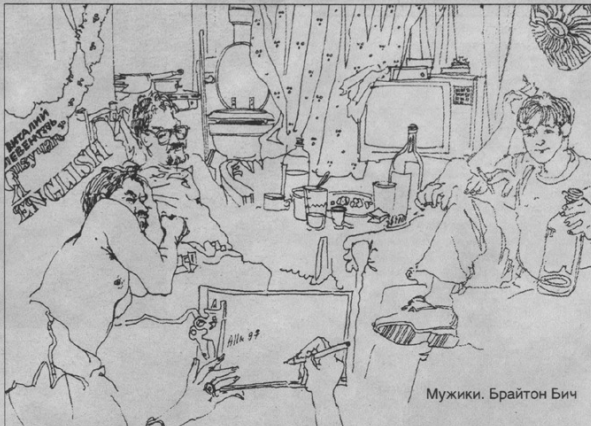
Alla NY
Photo by Nikolai Komarov

Алла Сапожникова:

Меня обвиняют в том, что я рисую только женщин. Это совсем не так – я рисую жизнь.

Под безличным «обвиняют» подразумеваю, наверное, самую малость и я. Признаюсь, писала я, что женская тема в творчестве Сапожниковой первична. Но не в силу того, что пишет она только женщин. Совсем нет. Движущая сила здесь иная: познать женщину как центр мироздания, как самое совершенное творение Божье, без которого невозможно ни прогресс, ни человеческие взаимоотношения во всех их ипостасях, ни любовь, ни сама жизнь, которая и продолжается-то женщиной. И присутствие женщины – духовное? иррациональное? таинственное? но все-таки реальное – ощущается и тогда, когда женщины и близко нет. Потому что жизнь и женщина – это, по существу, синонимы, и глубинный анализ жизни, познание ее для женщины-художника, наделенной ярким талантом и собственным лицом, не пох о ж е с т ь ю, – это еще и подлинное самопознание. Которое дорогого стоит. Поэтому можно сказать твердо: да, Сапожникова рисует жизнь – эмоционально, экспрессивно, правдиво и может сказать вслед за Цветаевой: «Я знаю правду! Все прежние правды – прочь»

Она, Сапожникова, интересный, оригинальный живописец, колорист от Бога. У нее собственная живописная манера, в которой органично объединились, слились сюрреализм, экспрессионизм, брызги символизма, конечно же, опозитированный романтизм. Полотна ее всегда узнаваемы, впечатляющи. Недаром такой крупный американский коллекционер, как Нортон Додж, купил сразу несколько ее работ и передал их знаменитому музею Зиммерли в нью-джерсийском Нью-Брунсике, где они и экспонируются. Все это сложные, философские монтажи, из которых меня просто паразил один из них – «Творчество». Может, помните в андерсоновском «Солыше», великий сказочник повествует о том, что сад китайского императора был так велик, что даже садовники не знали, где

Мужики. Брайтон Бич

АЛЛА

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ХУДОЖНИК

Влюбленные

он заканчивается.

Сапожникова же сумела показать бесконечность, беспредельность творчества, мысли, таланта. И вот что удивительно – ей это удалось в полной мере.

Не могу вспомнить, на какой из бесчисленных выставок увидела я графичес

кие работы художника, но ее «Кони-Айленд» меня поразили – этот очень американский, сегодняшней техноманией не охваченный уголок Нью-Йорка, увиденный свежим, к тому же русским взглядом, вдобавок глазом достойнейшего художника, который, подметив массу ха

рактерных деталей, создал запоминающийся образ, да-да, образ (вспомните-ка шагаловский тезис портретности города!) Бруклина, каким он был добрых 50, а то и 70 лет тому назад и каким, на удивление, остался. И вот ведь диво: увидела здесь художница, далеко-далеко от кони-айлендских пляжей родившаяся, душу гигантского города, упрямую за камнями и шиплями небоскребов, и для человека, не умеющего глядеть вглубь, недоступную.

Очень жалела, что не сфотографировала очаровательные графические этюды «Парижские кокетки», изобретательно ироничные рисованные сказки «Красная Шапочка и серый волк», но особенно «Кони-Айленд». И вот сюрприз – альбом – каталог графики Сапожниковой. И хоть видела я уже рисунки художницы, многое для меня было открытием. Стилистика, образность, линия – все подчинено замыслу, четко определенной цепи. Стоит ли за каждой графической миниатюрой долгий поиск или это импровизация, неожиданная находка, взлет мысли – не угадать, да это и неважно. Главное, что каждый рисунок тематически завершен, графически точен, очень часто, особенно в жанровых сценах, окрашен теплым юмором. И в каждом рисунке-рассказе, рисунке-отпечатке жизни, рисунке-парадоксе что-то от сюрреализма – социальная заостренность, психологизм, эротика...

Мы говорили только что о портретности города. Как легко проследить ее в небольшом этом, но очень емком альбомчике: три прекрасных, но совершенно разных, наделенных своими красками, своим силуэтом, своим характером города – Москва, Париж, Нью-Йорк. И Нью-Йорк – загадочный и разноликий, суровый и развеселый, требовательный и щедрый, величественный и скромно-работяга – открыл художнице свои тайны. Вот они – башни и шпильи города-исполины. Возносящиеся к небесам. Может, в этом самая главная, самая сокровенная тайна Нью-Йорка: он готов вознести вас, если вы к этому стремитесь и этого достойны.

Своим любимым художником считала Сапожникову известная французская писательница Франка Оппенгейм, чьи книги та иллюстрировала, а ей книжная и журнальная графика подвластна так же, как изобретательнейшая реклама, как графические портреты. И примером тому может послужить портрет Франки, или Франсуазы, как звали ее во Франции.

Интересную и сложную жизнь, так любовно отраженную Сапожниковой в ее портрете, прожила эта маленькая, хрупкая женщина. Родилась в Лодзи, училась в Варшаве, успела стать дантистом, когда настигла ее война, оккупация, нацизм. Только она с мужем, молодые и быстрые, успели спастись. Вся семья – родители, сестры, их дети, тетки – ушли «в газ». Франка дошла до ставшего советским Белостока, откуда отправили ее в Казахстан. Несколько месяцев двигалась «пятсот-вот-вот» (может, люди старшего поколения помнят эти битком набитые товарные поезда?) И когда беременная Франка добралась, наконец, до цели, то принявшая ее и спасшая жизнь ей и ребенку простая русская женщина не могла без слез смотреть на этот живой скелет. Войну работала она в Казахстане зубным врачом, потом, в 1946-м, всех граждан Польши отправили на родину. А там был такой разгул антисемитизма, что пришлось снова спасаться. Так очутилась она во Франции.

Удивительным человеком была эта женщина. Отличным врачом, счастливой советчицей, как ее называли. «Фантастически ответственная, добрая, она буквально заряжала оптимизмом», – вспоминает Алла. Уже совсем немолодой Франка вдруг начала писать. Да какие книги!

Париж.
Франка
Оппенгейм

Сначала «Правдивые истории» (одна из новелл так и называлась: «Алла – мой любимый художник»), потом беллетристически изложенные воспоминания – романы «Адыо, Алла-Ата», «Жил-был фаршированный карп», «Моя сумасшедшая тетя». Все книги сразу же становились бестселлерами (и где – в Париже!), отзывы из них вошли в школьные хрестоматии.

Особенный писатель и особенный человек – все это в замечательном ее портрете. Обратите внимание на руки писательницы. По убеждению многих художников, руки в портрете – самое трудное и самое многогранное. Как написала руки Франки Оппенгейм Сапожникова – откровение. И ведь одной практически линией. А какова пластика!

В альбоме много острохарактерных портретов, в большинстве, они поданы как персонажи многомерных жанровых картин, каждая из которых и сама по себе интересна, занимательна и остроумна: московские кварталы, парижские лавочки и галереи, в том числе – в еврейском районе Марэ, нью-йоркские рестораны, магазинчики, неповторимый Брайтон... И портреты в интерьерах, наиболее интересны детализированные – ну, например, портрет Брайтона и Брайтонцев во времени и непростых (ох!) обстоятельствах. Чего стоит этот графический монтаж – nostalgia-ирущие, растерянные, не знающие, за что ухватиться – «Мужики». Так и хочется воскликнуть: «Да будьте же вы, наконец, мужиками!»

Кажется было произнесено слово «эротика». Она присутствует невидимо и неслышно во многих рисунках, украшая и наполняя их высшим смыслом, потому что всегда и во все времена была рядом с жизнью. Милые, о любви мечтающие Яна, Софья, Ирена, пары в парижских и нью-йоркских кафе, скорчившаяся в отчаянии брошенная Маша, мечтательная лютнистка, москвичка Наташа, женщина-кошка – все они сексуальны донельзя. И припавшие друг к другу мужчина и женщина, Лариса, затонувшая в объятиях возлюбленного и особенно совершенно потрясающая «Любовники» – так могла бы нарисовать и анатомировать их чувства, их страсть, невозможность жить друг без друга только большая художница. Как у Цветаевой?

Ах, далеко до неба,
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

Маргарита Шкляревская